

ЭРИХ КЕСТНЕР

С Т И Х И
**МАЛЕНЬКАЯ
СВОБОДА**

Современная
Зарубежная
Поэзия

**ЭРИХ
КЕСТНЕР**

С Т И Х И

**МАЛЕНЬКАЯ
СВОБОДА**

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Издательство Иностранной Литературы
Москва · 1962

Составитель и редактор

И. ФРАДКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОФ. Г. КАМНИЦЕРА (ГДР)

ЭРИХ КЕСТНЕР

Эрих Кестнер родился в Дрездене 23 февраля 1899 года. Отец его был шорник, но ремесло не могло прокормить семью: пришлось пойти рабочим на чужую фабрику; мать его стала парикмахершей. Оба были людьми трудолюбивыми и честными. Они так и не выбрались из бедности и в то же время не смогли преодолеть своих мелкобуржуазных иллюзий. Обстановка в семье оказала большое влияние на Эриха Кестнера в годы его духовного становления.

Родители, в особенности мать, трудились ради того, чтобы дать сыну хорошее образование. Эрих Кестнер был любознателен и прилежен, но терпел жестокие страдания в школе, которая в империи Гогенцоллернов представляла собой нечто вроде рабовладельческой плантации. На всю жизнь сохранит он воспоминание о школьной муштре, ставившей себе целью превратить детей в верноподданных.

Третьим и самым могучим фактором, повлиявшим на Кестнера, оказалась первая мировая война и ее последствия. Он был призван в армию, и ему довелось на собственной шкуре испытать все «прелести» прусской казармы, тупую жестокость и садизм начальства. Револю-

ция и инфляция открыли ему, каким ненадежным может быть даже мирное время. Готовясь к экзамену на звание учителя, он, однако, вскоре заметил, что и в школах Веймарской республики царит прежняя косность, и выбранная было им профессия перестала его привлекать.

В это время Кестнер начинает писать — под натиском нужды и по внутреннему побуждению. В 1924 году он становится редактором. Он пишет театральные рецензии, короткие рассказы, корреспонденции, стихи и дипломную работу «Возражения на статью Фридриха Великого «De la littérature allemande». Кестнер навсегда останется верен антимилитаристским идеям этой своей работы. Его идеалы — разум и человечность, величайшим примером для него всегда будет немецкий просветитель Готхольд Эфраим Лессинг.

Прославился Эрих Кестнер прежде всего как автор сатирических стихотворений и как лаконичный лирик XX века, которому не только совершенно чужда, но и отвратительна какая бы то ни была напыщенность. Язык его заимствован у серых будней, образы — у жизни большого города. Но какими бы прозаичными, какими бы неприятными ни казались порою его стихи, их неизменно отличает моральный пафос и четкость гуманистической мысли, более современные и более долговечные, чем любые громкие слова. О его стихах часто отзываются как о «прикладной лирике». Но продукция его «стихотворной фабрики» не изнашивается и по-прежнему пользуется большим спросом.

Эриха Кестнера обуревают гнев и боевой задор. Он лишает всякого орсола святости буржуазные представления о героизме и любви, бичует ханжество немецкого мещанина, скрывающего под маской добропорядочного бюргера варварский оскал. В его суждениях

нет ни сентиментальности, ни цинизма; они критичны и остроумны. Насмешка его всегда серьезна, настроение всегда немного грустное. Однако он не впадает ни в уныние, ни в глубокомыслие. Об учителе Кестнера Генрихе Гейне говорят, что в его поэзии голубой цветок распускается возле баррикады. О Кестнере можно сказать иначе: он стоит на перекрестке с бессмертником в руках, взывая к здравому смыслу прохожих. Он уповает на разум, но еще толком не знает, на что же должен уповать разум.

Эрих Кестнер говорит от имени поколения, которое прошло через фронты первой мировой войны и, разочаровавшись в империи и в Веймарской республике, искало свое место в безжалостном мире. Его главным врагом была и осталась война. Уже в первых своих стихотворениях он с горькой иронией обращается к тем, кто делает ставку на глупость и наживается на военных авантюрах:

*Не вздумай думать, старина!
На мысли вышло запрещенье.
Миллионерам не до сна,
Нужна им новая война, —
Доставь им, бедным, развлечение!*

Сатира в поэзии Кестнера неотделима от лирики. Казня презрением и смехом милитаристов и банкиров, скотов, подобных мещан, самодовольных чинуш и прочих власть имущих, поэт ни на минуту не забывает о дорогих его сердцу простых людях, о голодных и безработных, об униженных и оскорбленных, о детях, лишенных радостей детства... Скромные труженики, обитатели меблированных комнат, страдающие от одиночества в шумной толпе большого города, — таковы герои Эриха Ке-

стнера. Всем своим существом писателя-гуманиста он разделяет их маленькие радости и большие горести.

В течение шести лет, с 1927 по 1932 год, Кестнер выпускает четыре сборника стихов. В них он остается верен своему лирическому герою и своей теме. Гнев поэта направлен прежде всего против учителей-шовинистов, чиновников и фельдфебелей, которые с тупым повинованием готовят пушечное мясо для войны. В одном из стихотворений он вспоминает своего сержанта:

*С тех пор двенадцатый год минул,
Как сержантом была эта мразь.
Он обучал нас: «На караул!»
Я раз упал. Он ногой меня пнул
И плюнул в лицо, смеясь.*

(Перевод К. Богатырева)

Первая мировая война преследует Кестнера как страшный призрак. Когда многие немцы стали оплакивать поражение 1918 года, поэт нарисовал перед ними жуткое видение германской победы:

*Когда бы мы вдруг победили
Под звон литавр и пушек гром,
Германию бы превратили
В огромный сумасшедший дом..
..Тогда б всех мыслящих судили,
И тюрьмы были бы полны,
И войны чаще водевилей
Разыгрывались в изобилье,
Когда б мы только победили..*

Но, к счастью, мы побеждены.

Экономический кризис, бедствия масс, возрастающая угроза фашизма, все более явно обнаруживающееся банкротство существующего строя — все это заставляет Эриха Кестнера в начале тридцатых годов серьезно задуматься над судьбой Германии, все это придает некоторым его стихотворениям несвойственную им прежде масштабность исторического мышления:

*Вы шлете мне письма. И мне это лестно.
Но в каждом вопрос, как на страшном суде:
«Где же все позитивное, Эрих Кестнер?»
А черт его знает где...
...Прогнил ваш мир, крутятся вхолостую;
И государство — давно на краю
Могилы. Вы думаете: я срифмую
И все удержится, как на клею?
Я врать не хочу вам. И врать не буду.
Время черно. И я не маляр...*

Появление таких мотивов в поэзии Кестнера очень симптоматично, хотя они не стали для нее основными и определяющими. Эрих Кестнер больше интересовался теми, кто оплачивает счета, чем теми, кто делает расходы. Он остается летописцем безжалостного, безнадежного, а подчас и голодного существования. Сердце у него находится слева, но он не хочет, как его собратья, сжать кулаки, чтобы в случае надобности нанести удар.

Иногда Кестнера обвиняют в том, что он непоследователен, он-де наряду со стихотворениями на социальные темы пишет и такие, в которых ограничивает себя «человеческим, слишком человеческим». Но и в тех случаях, когда он с добродушной снисходительностью изображает трагикомедию будней, речь идет о маленьком

человеке, который, как в стихотворении «Размышления при попадании под автобус», всегда подвергается опасности и в переносном смысле очутиться под колесом.

*Анна не умрет от горя.
Не торчит ли ключ в столе?
Утром я сидел в конторе,
Завтра буду гнить в земле..
...Гроб по первому разряду
Похоронного бюро.
Десять лет копил я кряду,
Пропадет мое добро.*

В 1931 году, через два года после того, как разразился мировой экономический кризис, Кестнер опубликовал роман «Фабиан — история моралиста»; грозящая катастрофа сделала его взгляд острее. В этом, в известном смысле, автобиографическом романе автор перевоплощается в мелкого служащего, который в последние годы Веймарской республики на собственной шкуре испытал последствия безработицы, борьбы партий, идейного разброда. Гибель его символична: он тонет, когда, не умея плавать, пытается спасти тонущего ребенка.

Роман содержит суждения и предсказания, более смелые и глубокие, чем прежде. «Государство поддерживает нерентабельное крупное землевладение. Государство поддерживает тяжелую индустрию. Она поставляет свою продукцию за границу по убыточным ценам, а внутри страны продает ее по более высокому тарифу. Сырье слишком дорого; фабрикант снижает рабочим заработную плату; государство ускоряет падение покупательной способности широких масс с помощью налогов, которыми оно не решается обременять имущих. Капитал и без того миллиардами уплывает за границу.

Разве это не закономерно? Не правда ли, в этом безумии есть своя логика?»

Герой романа Кестнера многое в окружающем его мире видит в правильном свете, более того — он симпатизирует рабочему классу, и все же различные опасения и предрассудки удерживают его на пороге активного социального действия. Борцом он не становится.

В эти же годы Эрих Кестнер создал свои знаменитые романы для детей: «Эмиль и сыщики» и «Кнопка и Антон».

Эрих Кестнер любит детей, но как бы за счет взрослых. Вряд ли можно возражать против того, чтобы на молодежь возлагались надежды. Но Кестнер превращает взаимоотношения поколений в упрощенное противопоставление невинности и порока, доброты и жестокости, самоотверженности и эгоизма. Он чуть ли не собирает заменить общественные классы школьными и превратить детей в воспитателей, которые мирят враждующих взрослых. Но при этом его современные сказки поучительны и во многом правдивы: герои его книг — Эмиль, Антон, Кнопка, Густав с гудком и «профессор» — встречаются нам и в жизни. Они дерзкие, хитрые, находчивые, упрямые и все-таки дружные. Эриху Кестнеру удалось направить присущую детям жажду приключений и юную энергию в хорошее русло. «Эмиль и сыщики» выслеживают жулика и при этом обнаруживают похвальные чувства чести и солидарности. Антона и Кнопку ничто не в силах разлучить.

Приход Гитлера к власти вернул Кестнера из идиллического мира детей к суровой действительности. Он остался в Германии, но не совершил политического грехопадения. 10 мая 1933 года его произведения были брошены в огонь и запрещены, но ему было

разрешено писать развлекательную литературу. В течение 1933—1945 годов он, как поэт, молчал, писал лишь — часто под псевдонимами — прозу, которая издавалась главным образом в Швейцарии. В последние годы фашизма Кестнер втайне от окружающих вел дневник, в котором саркастически остро запечатлел бесславную гибель человеконенавистнической гитлеровской империи. Опубликован этот дневник был лишь в 1961 году.

С тех пор как миновала ночь кошмаров, Кестнер снова активно откликается на события своего времени. Прежде всего — в стихах, речах и статьях. Его не обманул «демократический» фасад нового западногерманского государства, истинную сущность которого он разглядел еще в 1951 году, когда писал:

*...Ведь мы большой свободы не добились.
Опять не повезло нам, как всегда.
Надежды наши не осуществились.
Взошли рекламы. Звезды закатились.
И снова страх из всех щелей повывлез.
Ведь мы большой свободы не добились.
А маленькой. Пожалуй — да.*

*Да, нам свободой оказали честь.
У нас свобода. Если она есть.
Дозволено: влачить существование,
Облизываться, стоя у витрин,
И жаловаться на подорожание,
И, прошлому величью в подражание,
Вновь превратить в казарму всю Германию, —
Мы все теперь свободны. Как один.*

В первые послевоенные годы Эрих Кестнер был прежде всего поглощен проблемой национального

перевоспитания. Он знал, что, с одной стороны, необходима полная ясность в вопросе о причинах катастрофы; с другой — необходимо сразу же пресекать всяческие начинания, способные привести к ее повторению. Он предупреждал, ободрял, бичевал и, выступая на страницах газет и журналов, ратовал за то, чтобы его соотечественники осознали заблуждения, вызвавшие к жизни Третью империю, и мужественно, но разумно, умно, но отважно, вступил на новый путь.

Больше всего его опять-таки волновало будущее детей, которых он так любит. Особое внимание он уделял учителям и на сей раз также немецкой историографии: «В школе нас учили ложной храбрости, господин Вильгельм. Нам вбивали в голову и спрашивали с нас ложные даты. Нам представляли опасное величие, а истинное величие сбрасывали под кафедру. Торжественно провозглашались ложные идеалы, а истинные замалчивались. Под видом истории человечества нам подсунули историю войн. Разве же мы хотим, чтобы история человечества и впредь оставалась историей войн?»

Кестнер приводит в пример собственное детство. В очерке «Когда я был маленьким мальчиком» (1957) он без всяких прикрас рисует ранние годы своей жизни. В этих воспоминаниях, а также в детской книжке «Конференция зверей» (1949) он выражает мечту о таком мире, где никто не голодает и никто не посылается на бойню, где наказываются правительства, которые развязывают войну. Но как осуществить эту мечту — этого писатель, видимо, не знает.

Было бы крайне несправедливо по отношению к Кестнеру говорить только о сентиментально-утопических чертах его творчества. Именно сегодня, когда фариесеи сваливают на молодежь ответственность за то,

что в Федеративной Республике на стенах вновь появляются свастики, его стихи звучат особенно актуально:

*Мы родились под ваши марши,
Мы стали взрослыми сейчас.
Мы — помоложе. Вы — постарше.
Вы виноваты дольше нас.*

В своих речах Кестнер напоминает своим соотечественникам об их ответственности за настоящее, социал-демократам — о цене гражданского мира, писателям — об их этико-воспитательной и просветительской миссии. Кестнер — писатель упрямо своеобразного почерка. Он никогда не следует литературной моде; он бичует эзотерическую лирику, которая цветет и отцветает в нынешней Западной Германии; он требует, чтобы стихи были понятны, чтобы они давали людям хлеб, а не камни.

Эрих Кестнер — антифашист, антимилиитарист, но не революционер. О нем говорят, что он остался верен себе. Это и очень лестно для него и в то же время не слишком лестно.

Кестнер так и не сумел преодолеть некоторых наивных предрассудков своей молодости. Социальное зло он по-прежнему видит яснее и отчетливее, чем способы и пути борьбы с ним. Будущее подчас рисуется ему в довольно мрачных красках, горький скептицизм нередко парализует волю к действию. «Неоконченный спор» (см. одноименное стихотворение), который происходил в его сознании еще тридцать лет назад, спор между меланхолическим летописцем человеческого горя и полным нетерпеливого ожидания юношей, проклиная бездейственную мудрость, — этот спор так

и остался для него нерешенным и неоконченным по сей день.

Но Кестнер сумел пронести сквозь годы нерастраченными остроту зрения и ненависть к темным силам германской истории. Опыт фашистского владычества и вторая мировая война лишь усилили эти чувства и закалили его гнев в огне жестоких испытаний. Это сказывается во всем, что выходит из-под пера Кестнера в последние годы. Но одновременно зловещий ход событий в Западной Германии, рост реваншистских настроений и неофашистских сил — все это придает — увы! — необычайную актуальность и многим старым стихотворениям Кестнера, таким, как «Другая возможность», «Ты знаешь край?..», «Голоса из братской могилы» и многие другие. Строки, написанные тридцать и более лет назад, звучат сегодня почти пророчески.

Пророчески, ибо глупость, злоба и равнодушие, которые поэт бичевал еще в те годы, снова пышным цветом распустились в Федеративной Республике. Ибо ненасытные банкиры, чванливые шовинисты, наглая кровожадная солдатня, оправившись от потрясений 1945 года, ныне грозят бросить человечество в пучину новой мировой войны.

Поэзия Эриха Кестнера — как сегодняшняя, так и тридцатилетней давности — обращена против *сегодняшних*, самых злобных и опасных, врагов человечества. Он враг наших врагов и поэтому объективно наш союзник. Он шагает пусть не в общем строю, но рядом с нами, в том же направлении.

ГЕЙНЦ КАМНИЦЕР

МАЛЕНЬКАЯ СВОБОДА

*Нам время подсказало заголовок.
Оно схватило книги существо.
Итак, не я придумал заголовок.
Я автор только книги — не его.*

*Ведь мы большой свободы не добились.
Опять не повезло нам, как всегда.
Надежды наши не осуществились.
Взошли рекламы. Звезды закатились.
И снова страх из всех щелей повылез.
Ведь мы большой свободы не добились.
А маленькой? Пожалуй — да.*

*Да, нам свободой оказали честь.
У нас свобода. Если она есть.
Дозволено: влачить существование,
Облизываться, стоя у витрин,
И жаловаться на подорожание,
И, прошлому величью в подражание,
Вновь превратить в казарму всю Германию, —
Мы все теперь свободны. Как один.*

*Нам время подсказало заголовок.
Оно схватило книги существо.
Итак, не я придумал заголовок.
Я автор только книги — не его.*

1951

С Е Р Д Ц Е

Н А

Т А Л И И

1 9 2 7

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Поет отец)

Усни, сынок! Засни скорей!
Я твой отец как будто.
А впрочем, матери видней.
Она вернется из гостей
С минуты на минуту.

Спи, сын! Не плачь по пустякам!
Уходит сон с годами,
А ты не спишь не по годам...
Приходит счастье по ночам
Лишь к тем, кто спит ночами.

Мне ночью говорит жена:
«Оставь меня в покое!»
Лежим мы рядом, но она
В меня ничуть не влюблена.
Беда с такой женою.

Пускай тебе приснится сон.
Мне снились сны когда-то.
Мне снилось раз, что я барон,
Другой — что выиграл миллион.
Во сне живешь богато!

Вот так работаешь и жрешь —
Ведь мы народ не гордый.
Какого черта ты живешь?
Сын вправду на меня похож?
Все надоело к черту.

Я стар. Я дожил до седин.
Вот мертвых — тех не будят.
Где мама — знает бог один.
Я испугал тебя, мой сын?
Не плачь, мой мальчик, будет!

Не плачь, мой сын! Усни, малыш!
Забудь про все на свете.
Забудь и обо мне! Ты спишь?
Спокойной ночи! Спи, малыш!
Спи, как другие дети!

ПОНИЖЕ СПИНУ ГНИ!

*(На мотив: «Народ, воспрянь!
Зарницы полыхают!»)*

Народ, нагнись! Тебе дадут по заду,
А не нагнешься — сапогом в живот.
Ты к этому привыкнуть должен смладу,
Затем что так любая тварь живет.

Нагнись, дружище! Ты, как видно, гордый!
Но тот, кто бьет, не шутит отродясь.
Пониже, эй, пониже! В землю мордой!
Отчизна ждет, — пониже! Носом в грязь!

Ты будешь гибок, словно из резины.
Учись, браток, пониже гнуть хребет.
Смотри, как у соседей гнутся спины!
Терпенье — вот залог твоих побед.

Мои советы считаешь вздором?
Что делать, братец, в этой жизни суть:
Гни спину перед высшими, которым
Приходится ведь тоже спину гнуть.

Для сохранения чиновничья
Молись, да внемлет милосердный бог,
Да будет всем по жертве для топтанья,
Да топчет всех какой-нибудь сапог.

Гордимся синяками мы недаром —
Нам украшают задницу они.
Подставь себя заслуженным ударам,
Согнись дугой! Пониже спину гни!

ЭКСКУРСИЯ В ДЕТСТВО

Я снова у родителей в гостях,
Я снова в городе воспоминаний.
Меня волнует здесь любой пустяк
И перехватывает мне дыханье.

Вот здесь я пел. И мне кричали «бис».
Теперь не стали б ни за что на свете.
Вон с тех перил я скатывался вниз.
Смотрю туда. Нет, там другие дети.

Мясник Курцхальс скучает у ворот.
Я старика приветствую поклоном
И вижу, он меня не узнает
И провожает взглядом удивленным.

Сажусь в трамвай. Ведь времени — полно!
Кондуктор объявляет остановки.
То станции минувшего. Оно
Все живо и все в той же обстановке.

Потом соскакиваю на ходу.
А ветер стих, и ждут чего-то тучи,
Сворачиваю за угол. Иду
И вижу оголенный сад и сучья

И интернат. А дети все не спят,
Стоят у окон, прижимаясь к стеклам.
Луна все так же освещает сад
Неярким светом, плавающим, блеклым.

Решетка прежняя. Стою впотьмах.
Боюсь застрять здесь до глубокой ночи.
Ко мне крадется старый детский страх.
И брюки словно сделались короче.

Случалось, я сбегал. Совсем один.
Спасать? Кого? Теряюсь я в догадках.
Я думаю о маленьких кроватках.
И вспоминаю — мне пора в Берлин.

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ?..

Ты знаешь край, где расцветают пушки?
Подумай! Он недалеко от нас!
Там у детей любимые игрушки —
Граната, миномет, противогаз.
Там на плечах растут у всех погоны,
На голове растет незримый шлем.
Долины там сданы под полигоны,
И в струнку надо там тянуться всем.

Когда начальство там чего-то хочет
(Начальству полагается хотеть!),
Рассудок, щелкнув каблуками, вскочит:
Направо! Смирно! Не дышать! Не сметь!

Там сосунок позвякивает шпорой,
Там размышляющий всегда неправ.
Там делает карьеру тот, который
Помалкивает, в рот воды набрав.

Ты знаешь край?.. Он мог бы стать счастливым,
Народ свой осчастливив навсегда.
Там нет числа лугам и тучным нивам,
Таятся в недрах уголь и руда.

Там есть умы, таланты, добродетель
И даже доблесть иногда блеснет.
Но взрослые играют словно дети
В солдатики ночами напролет.

Там за свободу не дадут полушки,
Там обращен в казарму каждый дом.
Ты знаешь край, где расцветают пушки?
Внимательнее погляди кругом!

ЧЕЛОВЕК ДОБР

Да, человек — он добр. Вполне серьезно.
А судя по учебникам — он клад.
Но все ж он добр. Исправить это поздно.
Все это в нем от бога, говорят.

Газеты нам предсказывают войны,
Поскольку гул войны недавно смолк.
Калек не призовут. Им жить спокойно.
А вдовам честно выплатили долг.

Он мог бы стать хорошим через меру,
Но человек — он скромности пример.
Подлец без всяких делает карьеру,
А честный — камнем падает в карьер.

Все это так, как есть. Так хочет бог.
В нужде молитва — лучшая подмога.
Удачнее он выдумать не мог.
Так помыкайте ж нами, ради бога!

Да, человек — он добр. И потому
Ему живется в общем очень плохо.
Когда бы хорошо жилось ему,
Бог повелел бы стать ему пройдохой.

Его вы, не стесняясь, бейте в морду.
О, будьте плохи, будьте так добры!
Сто шкур сдирайте с нас! Держитесь твердо:
Иначе небо вас отправит к черту!
Да, человек — он добр. Но до поры.

ВРЕМЯ МЧИТСЯ В АВТОМОБИЛЕ

Растут и курсы акций и столицы.
Кредит всегда богатому открыт.
Молчат балансы. У счетов есть лица.
Бедняк бастует. Фабрикант резвится.
А глобус вертится. И нас кружит.

В машине катит время. Без шофера.
Жизнь позади осталась. За углом.
Писали, что налоги снизят скоро.
Но кто же верит в эти разговоры?
А глобусу все это нипочем.

Товары продают. Их покупают.
Все деньги в обращении — до гроша,
А фабрики растут и умирают.
Вчерашние богатства нынче тают.
А глобус вертится. Хоть не спеша.

GARDIN DU LUXEMBOURG

Рядом с парком — рай. Noblesse oblige—
И цветы хранят его престиж.
Мальчики нарядны, как инфанты.
А у девочек большие банты.
Голова кругом, как будто пьян ты.
Город чужд нам. Это ведь Париж.

Даже пожилые господа
Чувствуют здесь, что земля — звезда.
Дети будто взяты из рекламы
И прелестны так же, как их мамы,
И скульптуры — большей частью дамы —
Улыбаются почти всегда.

И не прекращается игра
Мальчиков и девочек с утра.
Мячики упрыгали в сторонку.
Мальчики помчались им вдогонку.
Тут же рядом твякает болонка
И не умолкает детвора.

На скамейках матери сидят,
Наблюдая за игрой ребят.
Барышни проходят по соседству
И, смущаясь от обилья детства,
Прячутся в стыдливое кокетство
И пугливо опускают взгляд.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСЕНКА ПОСЛЕ ХИМЧИСТКИ

(На мотив: «Детки, завтра что-то будет...»)

Детки, завтра вам не будет
Ровным счетом ничего.
Вы родились — с вас и будет,
Это ваше рождество.
Может быть, когда-нибудь
Вы поймете, в чем тут суть.

С медицинской точки зренья
От игрушек только вред!
Вызывает ожиренье
Сытный праздничный обед.
Хорошо, что дед-мороз
Ничего вам не принес.

Погуляйте, ребятишки!
Легче жить без пирогов!
Ни запора, ни отрыжки,
Кто голодный — тот здоров.
Бедным ни к чему пирог,
Потому что с ними бог.

Разукрашенная елка
Не нужна вам, детвора.
Вам от елки мало толка —
Разве только на дрова.
А в сочельник плакать грех:
Бог предпочитает смех.

Детки, завтра вам не будет
Ровным счетом ни фи́га.
Мама утром не разбудит,
Не спечет вам пирога.
Бог обидеть вас не прочь...
Ах, рождественская ночь!

ЗАПОВЕДИ ДЛЯ БЕДНЯКА

Народ Германии, внимай!
Ты лежебока и лентяй!
Ты от обжорства пропадешь,
Ты слишком много ешь и пьешь.

И если б в рог тебя согнули,
И спать не дали до зари,
И ложь такую бы загнули,
Что лили бы за пулей пули, —
Будь вежлив и благодари!

Налево, смирно! Тверже взгляд!
Рожай детей, когда велят!
Шпицрутен у тебя в крови!
Благодари и не реви!

Не вздумай думать, старина!
На мысли вышло запрещенье.
Миллионерам не до сна,
Нужна им новая война —
Доставь им, бедным, развлеченье!

Ты слишком дерзок — это факт!
Но голодай, имея такт!
Побрейся чище, ты шершав.
Утихомирь свой буйный нрав.

И если б из тебя веревки
Свивали, черт их подери,
И по тебе для тренировки
Они палили из винтовки —
Скажи спасибо и умри.

ЭЛЕГИЯ

Зачем посередине запятая,
А в заключенье — точка? Что за бред?
Зачем предметы, нас не почитая,
Насмешливо глядят нам вслед?

Кто знает, думают ли георгины
И для чего на ветке зреет плод?
И есть ли чернокожие блондины?
И как устроен кашалот?

Грядущее не ведомо заранее,
Оно покрыто мраком для меня.
И первый человек последней обезьяне,
По-видимому, не ровня.

Мы, ничего дурного не содеяв,
Несем ответ за дедов и отцов.
Наследник малый крупных лиходеев —
Любой из нас, увы, таков.

Вы дрались, папы. *Нам* попало втрое.
Вам корешки. А *нам* одни вершки.
Вы рвались в бой и строили героев,
Мы платим за разбитые горшки.

Довольно с нас. Традицию — в могилу!
Покуда нас их жребий не настиг,
Мы собственную испытаем силу
И будем жить на свой салтык.

Хотим мы сами совершать ошибки.
Мы неспособны доверять словам.
Зато мы верим в труд. В добро. В улыбки.
Понятно это вам?

Падут ли наши загнанные кони?
А может быть, закусят удила?
Что ж, поплевав (тьфу, Кестнер!) на ладони,
Возьмемся за дела.

ГОЛОСА ИЗ БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

*(Вместо проповеди в день
поминовения усопших)*

Мы тут лежим, и наши кости сгнили.
«Спят вечным сном!» — твердите вы про нас.
Нет, страх за вас терзает нас в могиле
И не дает смежить нам мертвых глаз.

Во рту земля. Должны лежать мы молча,
О, мы бы закричали, что есть сил,
Так, чтобы треснула земная толща
И мы бы с криком встали из могил.

У нас во рту земля, и нас не слышно.
Вы слышите лишь вой святых отцов.
Но проиграл сражение их всевышний
И вам велит забыть про мертвецов.

Попы поют о славном чувстве долга,
Над нашею могилой наклонясь.
Мы тут лежим. Мы умерли. Что толку,
Что в наши рты набилась кровь и грязь!

Мы тут лежим, гния в сырой постели,
Не знали мы... Но вам-то знать пора!
Мы умерли, но умерли без цели.
И завтра вас убьют, как нас вчера.

Четыре года эта бойня длилась.
Четыре года длилась, как века.
За годы бойни правда нам открылась:
Не верьте в бога, в слуг его и милость!
Будь проклят тот, чья память коротка!

З В О Н

В

З Е Р К А Л Е

1 9 2 8

ОСЕНЬ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

Осенний день дал ветру шпоры.
Листва — как шторы у ветвей.
А улицы — как коридоры,
С той разницей, что без дверей.

Года уходят, как зарплата.
Кончается и этот год.
С делами мы за панибрата.
Лишь дело в гору не идет.

Сгорает в небе солнце вчуже.
Нам безразлично. Пусть горит.
Ремень затягиваем туже, —
В желудке с голоду бурчит.

Листва, с деревьями прощаясь,
На землю падает дождем.
Земля, вокруг оси вращаясь,
Кружит быстрее, когда мы пьем.

Неужто нам лишь старость впору
И в этом сущность жизни всей?
А улицы — как коридоры,
С той разницей, что без дверей.

Мы с каждым часом меньше значим.
Уходим за часами вслед.
И катимся к чертям собачьим
И сходим медленно на нет.

Мы день встречаем с кислой миной.
Улыбки наши — не всерьез.
Листва свисает, как гардины.
Льет дождь. И воздух полон слез.

Уж год, как с Эльзой разошлись мы.
Я одинок. Каким и был.
Друг другу посылаем письма.
Любви давно и след простыл.

Игра не стоит свеч. Мы скоро.
Пройдем остаток наших дней.
А улицы — как коридоры,
С той разницей, что без дверей.

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

В Тоггенбурге среди всех артистов
Густав Реннер — первая звезда.
Он в ролях трагических неистов,
Он любимец публики всегда.

Густав Реннер окружен почетом,
Дамочки артисту смотрят в рот.
Только вот досада — по субботам
Реннер напивается как скот.

Как-то накануне воскресенья
В «Гамлете» он тень отца играл.
Реннер был весьма веселой тенью,
Потому что малость перебрал.

Гамлет-сын готов был провалиться
От стыда за мертвого отца.
Высокопоставленные лица
Требовали: выгнать мертвеца.

Призрак утащили за кулисы —
Он вошел совсем в другую роль:
Заливались краскою актрисы,
Слыша, как ругается король.

Наконец уснула тень родителя,
И вошел в свои права Шекспир.
Вдруг опять ликующего зрителя
Оглушил рыгающий кумир.

Наступил он на ногу Гертруде,
Зашвырнул Полония в партер
И схватил Офелию за груди,
Как весьма галантный кавалер.

Датский двор, давившийся от смеха,
Разбежался разом — кто куда.
Но такого бурного успеха
Тоггенбург не видел никогда.

Наконец-то люди Тоггенбурга
Поняли творенье драматурга.

ВОСКРЕСЕНЬЕ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Погода разгулялась снова.
Церковной башне снится бог.
Несутся запахи жаркого
Парам компота поперек.

По воскресеньям спится долго,
На улицах царит покой,
Две старых тетки без умолку
Беседуют на мостовой.

Все сплетни вспомнить по порядку —
Единственная их мечта.
Позевывают окна сладко,
Держа гардины возле рта.

Час битый наш провизор новый
Свое белье из стирки ждет,
Ругается, что не готово,
И хочет прачке дать расчет.

Ему, чтоб не ломать традиций,
Пора к заутрене давно.
Наш город мал. Не надо злиться.
Белье уже принесено.

Часы ползут, согнувши спину,
Ногами двигая с трудом.
Тоска сплетает паутину.
~~Две тетки сплетничают чинно.~~
А там, на площади старинной,
Храпит каштан, объятый сном.

ЗАГОРОДНАЯ ПРОГУЛКА В АВТОМОБИЛЕ

Небо в летний день погожий
Удивительно похоже
На лазоревый фарфор,
И ласкает наши души
Словно выписанный тушью
Тучек перистый узор.

Целый мир, глаза сожмуря,
Обращает взор к лазури,
Упиваясь синевою.
За рулем в автомашине —
Мой отец. Он от гордыни
И восторга сам не свой.

Он ведет машину круто,
Наугад и без маршрута.
Тетка держится за бок.
Остальные члены рода
Наслаждаются природой.
И природе это впрок.

Километр за километром
Тянет теплым свежим ветром,
Процеженным сквозь бензин.

Дядя Теобальд и дамы
Громко хвалят панораму,
Быстро мчится лимузин.

В стороне сидят, горланя,
Выпившие слобожане
И кричат нам что-то вслед.
Разыгрались аппетиты.
Мой отец ворчит сердито:
«Сплошь леса, а пива нет».

Но конец — вполне счастливый.
Мой отец находит пиво.
Мы уселись под сосной.
Тетя кроет вслух зарплату,
Но повеяло прохладой.
Мы отправились домой.

МАЛЬЧИК, ТОРГУЮЩИЙ СПИЧКАМИ

Спички! Эй, покупайте спички!
Три коробка за двадцать!

Они смеются над мальчишкой,
А покупать — ни-ни!
Бегут с портфелями под мышкой...
Эх, знали бы они...

Спички! Эй, покупайте спички!
Три коробка за двадцать!

Мы все живем на десять марок —
Пособие отца.
Живем в жалчайшей из хибарок,
Где солнца луч для нас — подарок.
Живем и ждем конца.

Вчера отец упился пивом,
А мама не пила.
Он пел: «Народ наш стал счастливым!» —
И выбил два стекла.

Спички! Эй, покупайте спички!
Три коробка за двадцать!

Учитель задал две задачи..
Устал я, вот беда!
С утра стою и жду удачи.
Купите, господа!

Вот мазать бы ботинки в парке
В коричневый и черный цвет!
Купить бы ваксы на три марки,
Да марок этих нет!

Спички! Черные и коричневые спички!
Три коробка за двадцать!..

ВЕЛИКИЕ ВРЕМЕНА

Так время вырастает, что беда!
Оно растет не вовремя, не в меру.
Не успеваешь мерку снять — примера
Такого мы не знали никогда.

Оно росло. Растет, пазы раздвинув,
Не видят люди сослепу ни зги.
У умников иссушены мозги,
И булькает вода в мозгах кретинов.

Но соловьем защелкал оптимист.
Добряк с самим собой играет в прятки.
У будущности холодеют пятки.
Ее не утешает птичий свист.

Здесь время не уместишь в рамках суток.
Нам прежде рост такой был незнаком.
Здесь глупость стала повсеместным злом.
Народ внезапно потерял рассудок.

Л Е С С И Н Г

Он иногда бывал поэтом,
Но не рядился под певца.
Он не был гением при этом.
Он был мужчиной до конца.

В те годы все носили косы,
И у него была коса.
Но на него смотрели косо,
Хоть камня не проймет коса.

И не было бойца упрямей
И мужественнее, чем он.
Он с ног сбивал врагов словами.
Он в будущее брал разгон.

Он бился насмерть без боязни.
Он косность одолеть сумел.
Кто в мире может быть опасней
Того, кто одинок и смел!

А В А Н С В Е С Н Е

Природа тянется во сне.
В лесу, проснувшись едва,
Еще не прибрана трава.
Но скоро ландыши права
Предъявят здесь весне.

Листва от старости седа.
Она шуршит и там и тут,
Как будто бы бумагу мнут.
А ветер заиграл этюд,
Ударив в провода.

Кто знает жизнь — уверен в том,
Что этот год, идя вперед,
С прошедших лет пример возьмет.
Чета супружеская ждет
В лесу весны вдвоем.

Не следует на них сердиться!
Подслушивать лесную тишь
И охранять весны престиж
Обоим нравится. Но лишь
Бы им не простудиться!

СЫРОЙ НОЯБРЬ

Старые наденьте башмаки
И по лестницам бегите вниз.
Надо, чтоб не умереть с тоски,
В сильный дождь по улицам пройтись.

Вам, конечно, будет неприятно.
Вы продрогнете наверняка.
Но не уходите на попятный
И гуляйте до тех пор, пока

Дождь усталый рвет остатки листьев
И асфальт блестит совсем как сталь
И пока, листву с деревьев счистив,
Дождь не стихнет. Вам деревья жаль?

Вечером бесчисленные свечи
Капают, шипя, на тротуар,
И у луж гримасы человечьи,
И зонты заполнили бульвар.

Будто видишь сон какой-то странный...
А ведь это город наяву!

Осень расхрабрилась, точно спьяну
У макушек оборвав листву.

Берегитесь луж на мостовой —
В это время грипп не пустяки! —
И по возвращении домой
Не забудьте скинуть башмаки.

ГИМН БАНКИРУ

Послушайте, я расскажу вам о нем,
Занимающем все умы.
Он делает трехпроцентный заем,
А сам под десять дает займы.

О нет, никогда он не трепетал,
Душой он давно протух.
Большие проценты на капитал —
Вот созданный им продукт.

Дай волю — он бога и землю сожрет,
Аппетит у него такой!
Но он не сеет — он только жнет,
Деньгу зашибая деньгой.

Он искуснее всякого колдуна,
Он кудесникам фору даст.
Он сделает вам из мухи слона —
И слоновую кость продаст!

Захочет — любого растопчет в прах,
Захочет — и все сгорит.

Бумажки бывают в его руках
Порою острее бритв.

Навеки одно у него божество,
Один у него кумир:
Он любит деньгу. А деньга — его.
Но кончится скоро его торжество,
Обанкротится он, банкир.

МУЖЧИНА

ОТВЕЧАЕТ

НА ВОПРОСЫ

1 9 3 0

ЭРИХ ШМИДТ

(Вроде баллады)

Эрих Шмидт, служа при важном деле,
Был аккуратист — ни дать ни взять!
Ровно в 6 он вскакивал с постели,
Ровно в 8 он ложился спать.

Спал 600 минут под одеялом,
28 проводил в метро,
100 минут дремал он над журналом,
Просидев 500 минут в бюро.

В праздник отсыпался, брился рьяно,
Кофе пил и хохотал в кино.
Иногда под сенью ресторана
Танцевал и с дамой пил вино.

В будни начиналось все сначала —
День за днем, и снова день за днем.
Ровно в 6 бросал он одеяло,
Ровно в 8 забывался сном.

Шмидт в то время был исполнен веры —
Кончится, мол, эта дребедень.
Шмидт, во власти сладостной химеры,
Верил, завтра будет новый день.

Шмидту улыбнулась вдруг удача —
Рут ему парнишку родила.
Мальчик заболел. Лекарства. Дача.
Умер сын. И вера умерла.

Время шло вперед, несло, летело
И тащило Шмидта за собой.
Старилась душа. Дряхло тело.
Шмидт шагал, зажмурясь, на убой.

Понял Шмидт, он не один на свете,
Но в беде все бросили его,
Понял Шмидт и то, что на планете
Шмидты составляют большинство.

Все, во что он веровал, — ошибка.
Так. И только так. И навсегда.
Он на сушу выброшен, как рыбка.
Схлынула надежда, как вода.

Видно, так уж суждено от века:
Всюду ложь -- в улыбке и в слезе.
Видно, нет души у человека
Даже в шишковидной железе.

Он 500 корпел над сводкой дутой,
27 обедал в казино,
И 400, пока темно,
Пролежал, раздетый и разутый,
На кровати, как заведено...
Пользуясь затем пустой минутой,
Бросился в окно.

ДРУГАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Когда бы мы вдруг победили
Под звон литавр и пушек гром,
Германию бы превратили
В огромный сумасшедший дом.

Мы все — от молодца до старца —
Такою школу бы прошли,
Что сыривали б с тротуара,
Сержанта увидав вдали.

Страна бы закалила нервы,
Народ свой загоняя в гроб.
Потомство для нее — консервы,
А кровь — малиновый сироп.

Когда бы мы вдруг победили,
Немецким б стал загробный мир:
Попы погоны бы носили,
А бог — фельдмаршальский мундир.

Когда бы мы вдруг победили,
Мы стали б выше прочих рас:
От мира бы отгородили
Колочей проволокой нас.

Когда бы мы вдруг победили,
Все страны разгромив подряд,
В стране настало б изобилье..
Тупиц, холуев и солдат.

Когда бы разгромили мир мы,
Блестяще выиграв войну,
Мы спали бы по стойке «смирно»,
Во сне равняясь на жену.

Для женщин издан был закон бы:
В год по ребенку иль под суд.
Одни лишь пушки или бомбы
Победы нам не принесут.

Тогда б всех мыслящих судили,
И тюрьмы были бы полны,
И войны чаще водевилей
Разыгрывались в изобилье,
Когда б мы только победили...

Но, к счастью, мы побеждены.

ПЕРВОЕ ОТЧАЯНИЕ

Мальчик бежал в продуктовую лавку,
Сжимая в потной руке деньги.
Он пробивался сквозь шумную давку
И подпевал себе на бегу.

Мальчишка подпрыгивал, напевая:
«Полхлебца, полхлебца и рыбный паштет...»
Перебежав через рельсы трамвая,
Пальцы расправил. Монетки нет.

Он замер. Прохожие шли торопливо.
Кругом постепенно гасли огни.
Звезды мерцают очень красиво,
Но денежку не освещают они.

Окаменелый, стоял на панели
Мальчик. Стоял и не чувял ног.
Шторы стальные, спускаясь, гремели.
Как никогда, он был одинок.

Пальцы опять и опять разжимал он, —
Казалось, у рук пощады просил.
Надежда угасла мало-помалу.
Руки вдоль тела упали без сил...

Отец голодный пришел с работы,
А мать твердила: «Вернется сын...»
Оба сидят, ожидая чего-то,
А он на темном дворе один.

Мать ощутила внезапно тревогу.
Вышла искать его — ждать не могла.
Мальчик сидел, прислонясь к порогу,
Тельцем уйдя в темноту угла.

«Отто!» Но сына трясут рыдания,
Не отвечает — зови не зови.
Видно, сильнее его страданье
Даже ее материнской любви.

СЕМЕЙНЫЕ СТАНСЫ

Люди те, что любят, ненавидя,
Ненавидят до корней волос.
И, как в сейфе, спрятано в обиде
Все, что высказать не удалось.
Но, другого выхода не види,
Злость всплывает на волне угроз.
И в беседах, вежливых тем боле,
Сердце разрывается от боли.

Ведь они друг друга до деталей
Выучили наизусть, как роль.
Вместе бодрствовали, вместе спали
И делили вместе хлеб и соль.
Кроме них самих, другой едва ли
Мог бы причинить такую боль.
Каждый тон до тонкости отточен
И пронзает звонкостью пощечин.

Смотрят пристально, как на дуэли,
Друг на друга, начиная бой.
Через миг, уже почти не целя,
Бьют врага недогнувшей рукой.

И часы от страха зазвенели,
И все вместе — как собачий вой,
Все, что было нежностью когда-то,
Разрывается ручной гранатой.

Но внезапно, как это ни странно,
Ненависть, устав, уходит вспять.
И они, залечивая раны,
Сияются хоть что-нибудь понять.
Чтоб затем, очнувшись от дурмана,
Снова мужем и женою стать.
Ведь любовь, вернувшись к ним обратно,
Им опять покажется приятной.

ХОРОШАЯ ПОГОДА

Где дни, которые, тоской тревожа,
В конце концов одолевали нас?
Нам светит солнце. Год стоит погожий.
Все рвутся вон из надоевшей кожи,
Воздушным шаром к небу устремясь.

Листва деревьев вымыта на славу.
Трепещет небо голубой тафтой.
Лучи хохочут озорной оравой.
Всем кажется, что счастливы по праву,
И все довольны наконец собой.

И веришь, что достаточно желанья,
Чтоб к небу взмыть. Со стулом и кафе,
На белых облаках, как на диване,
Лежать, разглядывая мирозданье,
И думать: «А внизу под нами Шпрее!»

И веришь, что легко разговориться
С цветами, как с невестой, на лугу.
Что ты разбит на мелкие частицы
И, несмотря на боли в пояснице,
Ты кланяешься каждому цветку.

В волнении ерошишь шевелюру:
Неужто жизнь и впрямь не ерунда?
И где тоскливых дней осадок хмурый?
~~Ты рвешься вон из надоевшей шкуры.~~
Но вот вопрос: «А, собственно, куда?»

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Кто не родился — потерял немного.
Витают среди звезд, не дуга в ус.
А я родился в детстве. К эпилогу
Теперь тащусь.

Как много было отдано в угоду
Гимназии, где я забыл, что знал.
Я был примерным мальчиком в те годы
И много лет впустую потерял.

Затем пришла война. Взамен каникул.
Я стал артиллеристом меж вояк.
Весь шар земной лил кровь и горе мыкал.
Я жил. Но вы не спрашивайте как.

Инфляция пришла войне на смену.
Меня в ту пору с Лейпцигом свело,
С искусством, Кантом. Но обыкновенно
По воскресеньям все равно лило.

Мне уж за тридцать. Я теперь владею
Не очень крупной фабрикой стихов.
Мои друзья становятся полнее,
Да я и сам седею у висков.

Мне нравится садиться между стульев
На сук, который тут же обрубаю.
Бродить по саду мертвых чувств, ссутулив
~~Устало спину, шутки рассыпая.~~

Я, как и вы, всегда с мешком в дороге.
Мешок растет, мне плечи отдавив.
Короче, я бы так сказал в итоге:
«Хоть я родился — все-таки я жив».

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ ПОПАДАНИИ ПОД АВТОБУС

Шляпу, шляпу! Неужели
Это все и мне каюк?
Что лежит в моем портфеле?
Нет портфеля. Нету рук.

Руки, руки где? Как странно!
Дождь идет. Всему конец.
Если б увидела Анна..
Хорошо, что мертв отец.

Взял ли я с собой билеты?
Мы сегодня шли в балет.
Гофман будет ждать ответа.
Все равно. Пропал билет.

Анна не умрет от горя.
Не торчит ли ключ в столе?
Утром я сидел в конторе,
Завтра буду гнить в земле.

Только не домой, не надо!
Испугается жена.
Кто танцует роль наяды?
Безразлично. Мне хана.

Для чего надел я лучший
Габардиновый сюртук!
~~Анна, ты себя не мучай,~~
У тебя найдется друг.

Нечего смотреть, зеваки.
Кто-то умер — не беда!
Если только рай не враки,
Не возьмут меня туда.

Послезавтра будет вынос
И печальные слова.
Банк тебе, пожалуй, выдаст
Тысяч пять, моя вдова.

Гроб по первому разряду
Похоронного бюро...
Десять лет копил я кряду,
Пропадет мое добро...

.

Санитарная карета
Появилась невпопад.
Постояв для этикета,
Врач отправился назад.

ШКОЛЬНИКИ В МУНДИРАХ

Вошел директор в школьный зал,
Не поднимая глаз,
Курт Керн, наш однокашник, пал.
Он первым пал из нас.

А после в парке под луной
Сидели мы без слов.
И Курт, разорванный войной,
Казалось нам, жив-здоров.

Зубрили мы снова про птиц и рыб,
Манил нас университет...
Потом мы узнали, что Гейнбольд погиб,
А Рохлиц попал в лазарет.

Директор Иобст был теолог,
И тех, кто на фронт уезжал,
Благословлял он: «С вами бог!» —
И крепко им руку жал.

Мать Керна нанесла визит
Директору Иобсту потом.
Она заплакала навзрыд,
Зажав глаза платком.

Погиб и Косман на войне,
Его тоже взяла война.
Висели в классе на стене
Убитых имена.

О них никто не говорит,
И каждый тих и хмур.
А между тем погиб и Шмидт,
Шутник и балагур.

Директор и учителя
С нас не спускали глаз.
Войны боялись мы не зря.
Потом призвали нас.

Мы ждали, что кто-нибудь вдруг начнет
И громко заявит: «Нет!»
Нам было в этот страшный год
По восемнадцать лет.

Нас тоже директор благословил,
А сам в глубине страны
С богом и кучей других воротил
Дождался конца войны*.

* Они и теперь, поедая свои пенсии, любят вспоминать о «великом времени». — *Прим. автора.*

ГИМН СКАТУ

Каждый день, когда сгорает
Над Германией закат,
Вся Германия играет
В скат.

Перед сном, во время чинных
Конференций, под доклад,
В клубах, барах и гостиных
Дуют в скат.

Две колоды наготове,
Кружки пива и салат.
Все сидят, насупив брови,
Дуют в скат.

Банк растет, летят купюры,
Надо ставить наугад.
Молчаливые фигуры
Дуют в скат.

Вот у нас какая хватка,
И на все один ответ:
Двойка, дама, туз, десятка,
Крю, бью, король, валет.

Где-то рушатся концерны
И правительства летят,
Но они ежевечерне
Дуют в скат.

Разве вам не слышно грома
Оглушительный раскат?
Вы себе сидите дома,
Дуя в скат.

Но трясет их лихорадка!
Заглушая ужас, трус
Дует в скат, не дуя в ус:
Двойка, дама, туз девятка,
Крю, бью, десятка, туз.

САЛЬДО МОРТАЛЕ

Он принял яд, когда вдруг осознал,
Что все существование — дерьмо.
Его спасли. Тогда он написал
Письмо:

«Зачем, кретины, вы меня спасли
И подняли дурацкий тарарам,
Когда уже с поверхности земли
Готов я был убраться к праотцам?

Вы что, платили за меня налог?
Вы деньги в долг мне предлагали? Нет!
Меня прогнали. Кто из вас помог
Мне заработать несколько монет?

Гоняли вы меня вперед-назад.
Я мыл вам пол. Я подметал вам двор.
Вы на меня бросали злобный взгляд,
Как будто я мошенник или вор.

Вы помните, когда я был больной,
Лежал, не поднимая головы,
Вы только издевались надо мной,
Моей женою торговали вы.

Теперь меня спасли вы. Для чего?
Я думал удалиться без помех.
~~Уж если сердце нищего мертво,~~
Спаси его — убийству равный грех.

Вы что же, мало мучили меня?
Зачем еще меня тащить к врачу?
Не стану больше мучиться ни дня.
Не стану. Почему? Да не хочу».

Так он писал, от ярости дрожа,
А увидав в газете свой портрет,
Он бросился с шестого этажа
При дочери четырнадцати лет.

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ ЮНОСТИ

Вечером, придя домой с работы,
Вы устали, вы почти больны.
Вы уже не боретесь с дремотой —
Вам бы только спать и видеть сны.

Служба — не прогулочная яхта.
Фабрики — не хвойные леса.
Даже современной шахта —
Шахта, несмотря на чудеса.

Дело не в усталости, однако.
В ней самой ведь тоже смысла нет.
Вы надели что-то вроде фрака,
Съели наспех сваренный обед.

Из дому умчались без оглядки
В бар ночной. Как бишь его? «Орфей»!
Вы танцуете. И все в порядке.
Вы довольны участью своей.

После бродите в каком-то парке.
А вставать ведь около шести!
О, какие же еще подарки
Вы б смогли себе преподнести!

Скоро лопнет у судьбы терпеньё,
Станет ясно вашему уму,
Что для собственного наслажденья
Жить не удавалось никому.

Нет, я вас не предостерегаю.
Только утром, в полседьмого встав,
И потом в метро или трамвае
Вы поймете вдруг, как я был прав.

Люди ведь не бабочки ночные.
Слово «нектар» пошло и старо.
Молодость и радость не впервые
Насмерть разбиваются в метро.

ГДЕ ЖЕ ПОЗИТИВНОЕ НАЧАЛО, ГОСПОДИН КЕСТНЕР?

Вы шлете мне письма. И мне это лестно.
Но в каждом вопрос, как на страшном суде:
«Где ж все позитивное, Эрих Кестнер?»
А черт его знает где!

Вы вечно подслащиваете события,
В свою запрятавшись конуру,
Вы правде в глаза заглянуть не хотите,
Вам смелость и разум не по нутру.

Вы, рот раскрыв и глаза сожмуря,
Черствый хлеб превращаете в торт.
Вы верите: небо седьмое в натуре
Спустилось и вас ожидает комфорт.

Вы сахаром посыпаете раны
И верите в этот сладкий бальзам.
Вы души баюкаете постоянно,
Их приучая к пленительным снам.

Прогнил ваш мир, крутясь вхолостую,
И государство давно на краю
Могилы. Вы думаете я срифмую —
И все удержится, как на клею?

Я врать не хочу вам. И врать не буду.
Время черно. И я не маляр.
Белила давно продают повсюду.
Их можно купить. Это ходкий товар.

Вы солнце вдыхайте порами всеми.
Заботы выкиньте в унитаз.
Но торопитесь, пока есть время,
Иначе заботы выживут вас!

Да, при смерти время. Ему на Востоке
Давно приготовлен осиновый кол.
Уже наступают последние сроки.
Запомните: кладбище не мюзик-холл!

П Е С Н Ъ

М Е Ж Д У

С Т У Л Ь Я М И

1 9 3 2

ПИСЬМО МОЕМУ СЫНУ

Я, наконец, хотел иметь бы сына,
И чтоб он был не глуп и не урод.
Мне не хватает ровно половины —
Мне матери к нему недостает.

Для этого не каждая годится,
Я много лет ее найти не мог.
Еще не повстречалась нам девица,
Которая тебя родит, сынок.

Но все же ты появишься на свете
Отрадою отцовству моему.
Ты будешь бегать, как другие дети,
Еще не понимая, что к чему.

Сперва ты будешь только строить рожи,
Пока не перейдешь к другим делам,
Не вырастешь и понимать не сможешь
Все то, что нужно, с горем пополам.

А кто поймет, пройти не сможет мимо
Всего того, что встанет перед ним.
Сперва ребенку мать необходима,
Потом ему отец необходим,

Я проведу тебя, сынок, повсюду —
Сквозь ад трущоб и парки богачей.
О чем бы ты ни спрашивал, не буду
Твердить нравоучительных речей.

Кресты березовые на могилах
Увидишь ты в местечках Ипр и Во.
Ты со слезами спросишь: «Кто убил их?»
Поплачь немножко. Это ничего.

Со временем ты все поймешь. Природа
Тебе наглядный преподает урок.
Пусть ум твой сам мужает год от года.
Я твой отец. Но разве я пророк?

Однако, если вопреки всему
Судьба судила сыну моему
В тупого превратиться мещанина,
Ничтожного по чувству и уму, —
Тогда такого мне не нужно сына.

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Профессор Бумке изобрел людей.
Они пока обходятся недешево.
Вы спросите: так что же в них хорошего?
А то, что эти люди без идей.

Изготовление длится семь часов.
Штампуются детали автоматами.
Заказчики довольны результатами,
Поскольку сразу весь заказ готов.

На детство и на юность эти роботы
Не убивают драгоценных лет.
Они, мамашам экономя хлопоты,
Ходить не будут в университет.

Мужчин с усами или женщин с грудями
Вам соберут за несколько часов.
Их сделают врачами или судьями
С врожденными познаниями основ.

Благодаря такой механизации
Не нужно тратить на зачатие ночь,
Платить учителям, ждать подтверждения
И наряжать кокетливую дочь.

Живые могут выйти идиотами,
Живые могут сутками реветь...
Какой позор: ваш сын увлекся нотами,
А вам на ухо наступил медведь!

Никто из нас не верит в хиромантию,
А как узнать — вдруг вырастет дурак?
Профессор Бумке вам дает гарантию:
Его заводу неизвестен брак.

Доходов нет, пока что не велик улов,
Однако предприятие растет:
Профессор выпускает сто артикулов,
Но увеличит выбор до трехсот.

Заметил я: «Профессор, без сомнения,
Вы создали отличную модель.
Но чужды ей развитие, изменения...»
И он ответил: «В этом наша цель.

А вы, вы против тезиса последнего?»
Благоразумно я сказал: «О нет!»
И сына заказал сорокалетнего,
Окончившего университет.

ИЗЛЕЧИМ ЛИ ГОЛОД

(Немецкая аллегория)

Когда закололо у Фрица в боку,
Решил он сходить в больницу.
Отрезав ему слепую кишку,
Врачи заявили Фрицу:

«Теперь вы совсем здоровы!» — «Ничуть!»
Тогда, натянув перчатки,
Они ему разрезали грудь
И сказали, что все в порядке.

А Фриц еще того пуше орет,
Боль, видимо, не ослабела.
Тогда они снова больному живот
Вспороли со знанием дела.

Фриц, обессилов, уже не кричит,
Но душу не отдал богу.
Посоветовавшись, решили врачи
Ему ампутировать ногу.

Бедняга ворочался — прямо беда!
Потом застонал он робко.
Врачи трепанировали тогда
Ему черепную коробку.

Когда захрипел он, решили — пора
Последний испробовать номер:
Ему отпилили четыре ребра,
В результате чего он помер.

Услышав больного предсмертный стон,
Пришел профессор усталый.
Летальным исходом он был удручен
И молвил задумчиво: «Просто он
Голоден был, пожалуй!»

И Г Р У Ш К И В Е Л И К А Н О В

Вы не подумали о том,
К чему обязывают дети.
Мы из-за вас на этом свете
Перебиваемся с трудом.

Вы породили нас на свет.
Но разве вы не знали, право,
Что нет у вас на это права
И даже просто денег нет?

Вы нас учили кой-чему
И в лучшем случае — латыни.
Но мы большими стали ныне
И в жизнь вступаем, как в тюрьму.

Глядите, нас уж миллион!
Трудолюбивы, работащи,
Мы поедать должны смердящий
Филантропический бульон.

Исполненные юных сил,
Мы существуем, как в больнице,
Как запертая в клетке птица,
Которой белый свет не мил.

Нам жить необходимо тут,
Нам, от рожденья безработным,
Не подаяньем доброхотным,
А тем, что нам приносит труд.

Когда-то в молодости вы
Играли нами, как игрушкой,
Как с куколкой, набитой стружкой,
Но куколка растет, увы!

И дни струятся, как вода,
Сменяясь, лучше или хуже,
И льются дни, стекаясь в лужи,
И лужи копятся в года.

Провалами незрячих глаз
Глядит на нас слепое время,
А жизнь, уже давя, как бремя,
Еще для нас не началась.

Родители, поймите вы,
Что нам когда-то дать сумели
Существование без цели
И что без цели мы мертвы*.

* В 1932 году число безработных подростков в Германии перевалило за миллион. — *Прим. автора.*

БАЛЛАДА О ПОДРАЖАНИИ

Давно и справедливо говорят,
Что прививать добро не так-то просто.
Но очень быстро отравляет яд
Мужчин и женщин, старых и подростков.

Однажды в феврале (какая дата —
Не помню, но часов как будто в десять)
Собравшиеся во дворе ребята
Решили Фрица Наумана повесить.

Они читали каждый день в газете
О сыщиках, разбойниках и казнях.
И так как Фрицхен был бандитом, дети
Решили: казни подлежит проказник.

Петлю на шею маленькому Фрицу
Накинул Отто (по игре — палач).
Он уверял, что плакать не годится,
Что портит им забаву этот плач,

Что Фрицхен трус, а труса им не жалко.
Фриц Науман заявил, что он не трус.
Веревку перекинули за палку,
И привязали к ней тяжелый груз.

Фриц отбивался. Но уж было поздно.
Он что-то крикнул, посмотрев на них,
Он дернулся, лоя губами воздух,
Еще два раза вздрогнул — и затих.

Когда веревка дрогнула, напряжась,
Убийством стала детская игра,
И, ощутив неодолимый ужас,
Ребята убежали со двора.

Еще никто не знал про злое дело.
Дворы молчали. Гас огонь зарниц.
В петле качалось маленькое тело,
Которое недавно звали Фриц.

Когда фрау Циглер вышла вылить кадку,
Она, вопя, присела до земли.
Часам к восьми блюстители порядка
На место преступления пришли.

А мальчик Отто сумрачно и просто
Ответил, ногти на суде грызя:
«Мы научились этому у взрослых.
Им можно. Почему же нам нельзя?» *

* В основе баллады — сообщение из газет за 1930 год. — *Прим. автора.*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МЕТАФОРА

Все едут в поезде одном —
Бедняк и воротила.
Мелькают годы за окном,
Мы едем в поезде одном
До станции Могила.

Один поет, другой молчит,
Ораторствует третий.
Состав колесами стучит,
Он мимо станций мчит и мчит
Во мглу тысячелетий.

Мы вскакиваем на ходу,
Не видя смысла в этом.
А вылезем в каком году?
С проводником мы не в ладу,
Хотя сидим с билетом.

Ему неведом наш маршрут,
Он сам уныло бродит.
Машина, стоп! Гудки орут.
Покойники выходят.
Стоянка. Это значит — тут

Выходит мальчик. Мать кричит.
Покойники не слышат,
Как похоронный марш звучит...
А поезд снова мчит и мчит,
Огнем и дымом пышет.

Вот первый класс. Он пуст почти.
Сидит на красном плюше
Толстяк лет семидесяти,
Он хочет быть один в пути
И хочет бить баклуши.

В других вагонах все вверх дном,
Там жесткие сиденья...
...Мелькают годы за окном.
Все едут в поезде одном
Воронам на съеденье.

НЕЧАЯННЫЙ ИТОГ

Он был при деньгах. Пил и ел
В гостинице, где он сидел,
Транжиря небывало.
Он счастлив был и пить и есть,
Бокалы подымая в честь
Гостей и персонала.

Он у цветочницы без слов
Забрал большой букет цветов,
Ей протянув бумажку.
Цветочница раскрыла рот
При виде этаких щедрот
И всхлипнула, бедняжка.

Он музыкантам в свой черед
Дал двести марок за фокстрот.
Они остолбенели.
Платил он, не поморщившись,
Лифтерам и конторщицам,
Швейцарам и уборщицам —
Всем служащим отеля.

Он даже не взглянул на счет,
Оставив несколько банкнот
В ему присущем стиле.
~~Завороженный персонал~~
За гостем вслед покинул зал —
Так все его любили.

И, улыбаясь всем вокруг,
У гардеробщицы из рук
Он взял пальто и палку,
Но та: «Не потерплю я, чтоб,
Не заплатив за гардероб,
Ушли из раздевалки».

Он засмеялся ей в ответ.
В карманах шарит — денег нет.
Где взять на чаевые?
Лифтеры и конторщицы,
Швейцары и уборщицы
Стоят вокруг и морщатся,
Надменные и злые.

Он ждет спасенья из беды.
Толпа, набравши в рот воды,
Его не узнает.
На помощь не пришел никто.
Он отдал женщине пальто,
Подумав: «Пусть. Сойдет».

ВЕРДЕН, МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ..

На полях сраженья под Верденом
Мертвецы не почивают в мире.
Уберешь сегодня два-три трупа —
Завтра на земле лежат четыре.

На полях сраженья под Верденом
Бегают с лопатами крестьяне,
Черепы и ребра собирают,
Складывают в ящики с крестами,

Возле памятника в Дуомоне
Под горой зарыто тысяч двадцать.
В ящиках еще двенадцать тысяч,
Погребения никак им не дожидаться.

И крестьян охватывает ужас:
Никакого сладу с мертвецами!
Как ни убираешь это поле,
Утром вновь усеяно костями.

Это поле заросло цветами,
Но оно совсем не райский сад.
На полях сраженья под Верденом
Мертвые встают и говорят.

Там, где васильки во ржи синеют,
Где трава качается густая,
Тянутся обугленные руки,
Всех живущих предостерегая.

На полях сраженья под Верденом
Мертвецы дают живым наказ,
Мертвецы кричат ко всем живущим:
«Люди, помните про нас!»

СЕРДЦЕ В ЗЕРКАЛЕ

Профессор что-то записал
В молчаньи неизменном.
Потом, насупившись, он сказал:
«Проверим вас рентгеном».

И я увидел наяву
Средневековый застенок.
Стоял во мраке я, как в хлеву,
Меж двух железных стенок.

Внезапно заскрипел рентген,
Экран залился светом,
Профессор смотрел сквозь толщу стен
И хмурился при этом.

Он взором пронзал и мышцы и жир,
Он видел насквозь, как маги.
Потом начертал мой внутренний мир
Карандашом на бумаге.

Потом он зеркало припер
В награду мне за старанье,
Промолвив: «Вот он, ваш мотор
Внутреннего сгоранья».

Профессор все мне растолковал,
Он оказался добрым.
Я диафрагму увидал
И присмотрелся к ребрам.

«А что там скачет в глубине
Лягушкой у колодца?»
Профессор объясняет мне:
«А это сердце бьется».

Окаменел я и затих
Там, под лучом рентгена.
Вот эту дрянь у ног твоих
Я положил, Елена?

Какой позор! Какой скандал!
Пойду теперь в монахи!
Тому, кто сердце не видал,
Неведомы те страхи.

Признаюсь, милая, скорбя:
Как видно, я перестарок!
Такое сердце для тебя
Нестоящий подарок!

ДОСТАТОЧНО КУБИЧЕСКОГО КИЛОМЕТРА

Один математик открыл недавно
Способ шар разгрузить земной.
Надо, писал он, построить ящик
В километр длиной, высотой, шириной.

В этом кубическом километре
Люди, живущие на земле
(А их приблизительно два миллиарда),
Спокойно лежали бы в полумгле.

Все население нашей планеты
Надо загнать в этот ящик скорей,
Чтобы потом где-нибудь в Кордильерах
Спустить в глубочайшую из пропастей.

Мы бы лежали на дне пучины,
Завернутые в аккуратный пакет,
И поросли бы высокой травой,
И собственный свой потеряли бы след.

Коршуны к нам бы садились на ящик,
Стояли пустыми бы города.
Люди лежали бы в Кордильерах.
Об этом не знал бы никто никогда.

НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Л е т о п и с е ц :

В продажном мире продается власть.
Ей все равно, за кем идти к позору.
Но прежде, чем в объятия упасть,
Она велит: «Воздвигни трупов гору!»
Она собой торгует всласть.
Не каждой проститутке это впору.
Ее любовники — всегда убийцы.
Об этом в старых книгах говорится.

Нет, отведите взгляд свой от страниц!
Власть зла еще не испустила духа.
Она, как прежде, влюблена в убийц,
По-прежнему она осталась шлюхой.
Ее бесстыдству нет границ,
Но до сих пор влюбляются в старуху!
Святой закон мужчин, в нее влюбленных:
«Грабь, не стеснясь! Счастье — в миллионах!»

Старайтесь только на небо попасть,
Чтоб к ангелам там присоединиться.
Все, что у вас сумели здесь украсть,
Они вам наверху вернут сторицей.

(Так постоянно уверяет власть.)
О, почему не все самоубийцы!
Вы сможете на положеньи труп
Вернуть себе, что отнято так грубо.

В о п р о ш а ю щ и й:

Ты оставь свои остроты
И терпеньем не гордись,
А сведи с врагами счёты,
Не идя на компромисс.

Почему вы отдавали
Власть убийцам и глупцам?
Вы, мыслители, едва ли
Непричастны к их делам!

Те, что прорицают все
И бездействуют, вредны.
Только мир преобразуя,
Вы уйдете от вины.

Почему же, объясните,
Не смогли вы до сих пор
Так направить ход событий,
Чтоб изгладился позор?

Сторонясь всего, смогли вы
Спрятаться в свою нору,
Только бороды игриво
Распуская на ветру!

Летописец:

Ты хочешь, чтобы отнял ум престол
У глупости, хоть он и враг насилья,
Чтоб на престоле не был произвол?
Тот, кто на свет насилье произвел,
Он и убийц рождает в изобильи!

Итак, ты совесть выкинь вон,
Твой клич — насилье ради блага —
Мы сами возвели в закон.
Но все же совесть выкинь вон:
Ты с ней не сделаешь ни шагу.

Итак, мы тоже верили в насилье,
Как в способ уничтожить зло и трон
И с ними власть имущих камарилью.
Мы всех их к делу времени подшили.
Мы жили ради будущих времен.

Без бойни день для них длинней недели!
И в девятьсот сороковом году
Им захотелось, чтоб опять недели
Народы мира серые шинели
И возродили древнюю вражду.

Но без причины кто же будет биться?
Для этого необходим предлог!
Снуют везде таинственные лица,
Штыками ошетичилась граница;
Один из наших вдруг спустил курок.

Сражен посол английский первой пулей,
Второй — убит французский генерал.

Жужжали пули, как пчелиный улей.
Еще двенадцать выстрелов блеснули —
Двенадцать фабрикантов наповал!

Хозяева приказывали вяло.
Их по привычке слушалась страна.
Но грянул выстрел, пуля засвистала,
И двадцать два упало генерала.
Так, не начавшись, кончилась война.

Забыв о пушках, о штыках и прочем,
Народы разбежались по домам.
Бывала ли когда война короче?
И победили в ней в теченье ночи
Две сотни смелых. Среди них — я сам.

Две сотни нас войны не допустили.
Мы заплатили дорогой ценой —
Сто девятнадцать человек убили,
Но остальные все пришли домой...

В о п р о ш а ю щ и й:

Хоть выиграли вы войну,
Но сколько ни анализируй,
Вы выиграли лишь войну,
Но вы не выиграли мира.

Л е т о п и с е ц:

Да, но ведь мало лишь одних идей!
Природа вечные свои законы
Распространила также на людей.
Как ты нарушишь ход вещей исконный?

Народы можно посылать на гибель,
Давно привыкли к этому они.
~~А от борьбы ее злом какая прибыль?~~
Убытки лишь одни!

Войне конец. Нам снова грош цена.
А мы старались изменить эпоху!
Власть, как и встарь, в бандитов влюблена,
И людям хорошо, когда им плохо.

В о п р о ш а ю щ и й:

Да, вы не побороли власти.
Наш лозунг в будущей борьбе —
Заставить мир добиться счастья,

В своей участвуя судьбе.
Что значат доброта с любовью
Без цели, сами по себе?

Нам надоело ваше суесловье,
С одной мечтой уйдешь недалеко!
А счастье мира стоит слез и крови.

Л е т о п и с е ц:

Не любишь ты людей. Тебе легко!

МАЛЕНЬКАЯ

СВОБОДА

1945 ~ 1952

С Л О В О П Р Е Д О С Т А В Л Я Е Т С Я М О Л О Д Е Ж И

1

Вы старше нас. Мы помоложе.
Вы гордо выпятили грудь,
Предписывая молодежи
Открытый вами новый путь.

Но собственный ваш путь был гладок.
Вы «хайль» кричали громче нас.
Вам «новый» нравился «порядок»,
«Свобода» нравится сейчас.

Вы старше нас. Мы помоложе.
Поступки ваши не новы.
И чересчур на вас похожи:
Где платят больше — там и вы.

Вы в благородном возмущеньи,
На нас свое срывая зло,
Твердите ваши поученья.
Хоть старость требует почтенья,
Но это часто, но это часто,
Но это часто тяжело.

Мы родились под ваши марши.
Мы стали взрослыми сейчас.
Мы помоложе. Вы постарше.
Вы виноваты дольше нас.

Мы поклонялись лжи и фальши?
Да, это правда, черт возьми!
Но что же с нами будет дальше?
Мы перестали быть детьми.

Нас пробирает мелкой дрожью
Усталость, нерешимость, страх.
Вы старше нас. Мы помоложе.
Наш прежний пыл теперь зачах.

Вы вновь приобрели значенье,
И нам опять не повезло,
Мы прокляли свой час рожденья.
Хоть старость требует почтения,
Но это часто, но это часто,
Но это часто тяжело.

М А И

В изящном платье светского транжира,
Улыбкой всех встречающих даря,
Плывет в карете май по странам мира
Веселым Моцартом календаря.

Цветы ждут знака, чтобы распуститься.
Знак дан. Карета катит по лугам.
Карете путь прокладывают птицы,
А бабочки порхают по пятам.

Краснеют всюду яблони стыдливо,
Березки приседают по пути.
Дрозды переиграли все мотивы
Из скерцо под названьем «Не грусти!»

Карета мчит ожившею пастелью.
Попробуй удержи ее, поймай!
А время спит в сиреновой постели.
О, если б целый год подряд был май!

Но грусть и радость в чем-то очень схожи
И с веток падает отцветший снег.

Стареет май. И мы стареем тоже.
Заболевает маем человек.

~~А май кивает: «Я вернусь к вам снова!»~~
Закат меняет неба колорит.
Он обещает. Он дает нам слово.
Он улыбается. Карета — мчит.

ПЕСНЯ ОБ ИГРУШКАХ

*Антивоенный плакат. Деревянные лошадки,
картонные каски и т. д.*

Впереди — молодая, просто одетая женщина

1

Кто деревянного коня
Ребенку дарит, тот
Уверен, что не дольше дня
Лошадка проживет.
Малыш дареному коню
В нутро взглянуть спешит,
Хоть это стоит многих сил,
Он все же, он все же
Его распотрошит.

Едва все кончилось, в права
Вступает новый акт.
Ребенок видит: голова
Оторванная — факт.
Ему игрушки жаль до слез,
Но факт такая вещь,
Что сколько б слез ни пролилось,
Зловещий факт — зловещ.
Надсадно воют малыши
О сломанном коне...
Им следует наедине

Напомнить, напомнить,
Напомнить о ремне,
А мы терзаемся вдвойне:
Ведь такова любовь.
И, забывая о ремне,
Мы их целуем вновь.

Весь гнев исчез куда-то,
Мы все простили им.
Ума в нас маловато.
Нельзя так, нельзя так,
Нельзя спускать их брату —
Ведь сами прогорим.

2

В мужчинах детский дух порой.
Игрушки — вот их цель.
Но с их недетскою игрой
Садимся мы на мель.
Наш мир непрочен, как стекло,
От страха он зачах.
Но будь он прочен, как металл, —
Мужчины, мужчины
Его развеют в прах.

Но вот страна разорена.
Начался новый акт.
Мужчины видят, что война
Проигранная — факт.
Содеянного жаль до слез,
Но факт такая вещь,
Что сколько б слез ни пролилось,
Зловещий факт — зловещ.

И оправданья не найти
Ни вам, ни им, ни мне....
Им надо бы наедине
Напомнить, напомнить,
Напомнить о ремне.

А мы терзаемся вдвойне:
Ведь такова любовь.
И, забывая о ремне,
Мы их целуем вновь.

Для них ничто не свято,
Коль скоро их святым
Был фюрер бесноватый.
Нельзя так, нельзя так,
Нельзя спускать их брату, —
Мы с ними прогорим.

ПЕСЕНКА - МАРШ

Вы, выстроясь в колонны по четыре,
Шагаете в казармы на постой.
Едва ли многих удивит ваш вой,
Но как не взвыть, увидев вас в мундире!

Вот вы опять пришли по наши души.
Мы вновь стоим у смерти на краю.
Вы радуетесь жизни лишь в строю,
Где ваши головы забиты чушью.

Вы существуете лишь для парада,
Где принцев потрясаете до слез.
Что из того, что в голове навоз?
Ведь ум в ногах! А вам того и надо.

Вам мир бы только ненавистью мерить!
Вы зверю в человеке дали кость,
Чтоб зверь в нем рос, оттачивая злость,
И чтоб людей пожрали эти звери.

Что сердцу вашему милей развалин?
Казармы разве что да вой сирен!
Ваш ум, средневековым взятый в плен,
Погряз в муштре и неоригинален!

Где мастера найти вам часового,
Который изменил бы стрелок бег?
Часы у вас испортились навек,
Вам не удастся завести их снова.

Грядущее уже не за горами.
Но вам к нему не подойти никак.
Идите к черту, отбивая шаг,
Народ немецкий не пойдет за вами!

МАЛЕНЬКОЕ СОЛО

Одиночке одиноко.
Время катится ручьем.
Смерть плывет. Поспеет к сроку.
Есть любовь. Но нет в ней проку.
Жизнь идет. Что толку в том?
Одиночке одиноко.

Но страшнее — одиночество вдвоём.

Сны плетут нам небылицы.
Счастье улетает вверх
И, кружа над нами птицей,
Обещает опуститься
После дождичка в четверг.
Смерть плывет. Поспеет к сроку.
А тоска стучится в дом.
Одиночке одиноко.

Но страшнее — одиночество вдвоём.

Этот ход событий старый
Хоть в мечтах останови!
Раздает любовь удары,
Целый мир дробя на пары,
Но удар сильнее любви..

Нам и в страсти одиноко.
Время катится ручьем.
Смерть плывет. Поспеет к сроку.
Мы в любви не знали проку.
Жизнь прошла. Что толку в том?
Одиночке одиноко.

Но страшнее — одиночество вдвоем,

Г Е Н Е Р А Л

Когда в нашей республике* под страхом уголовной ответственности еще запрещалось иметь в собственности даже охотничье ружье, гитлеровских генералов уже вызывали в Бонн и они за закрытой дверью давали правительству ценные советы.

Вместо казарм, строительство которых за-проектировано в текущем бюджетном году, можно было построить четыреста тысяч квартир.

Нижеследующая песня исполнялась в 1952 году в Мюнхене, Берлине, Дюссельдорфе и Цюрихе.

Г е н е р а л

(на нем куртка, перешитая из мундира. Начинает он весело, с уверенным юмором)

Послушайте, ребята,
Бесстрашного солдата!

Было славно в сорок пятом,
Отдыхая от войны,
Заниматься тут шпинатом,
Сельдереем и салатом,
Заменив мундир халатом,

* Имеется в виду Западная Германия 1945 года. —
(Прим. ред.)

Позабить, что был солдатом,
И бродить в халате мятом
Здесь, под сенью бузины.

Мы, живя среди природы,
Разводим огороды
И выращиваем мирные плоды;
Чудесные условия —
Полезно для здоровья,
К тому же и подальше от беды.
Тут не носил я шпоры,
Любил поля и горы,
Погоны и лампасы отодрал,
Вкушал я сладость мира,
Гуляя без мундира,
И о другом существованьи не мечтал.

Х о р с о л д а т
(незримый)

Тогда еще нет, .
Тогда еще нет, господин генерал.

Г е н е р а л

*(в следующем куплете его голос менее добродушен, —
появляется спесь)*

Послушайте, ребята,
Сурового солдата!

Так существовать ничуть не пресно!
Нет, не только утке с индюком,
Лилиям с душистым табаком
Нравится в спокойствии таком, —

Если кто командовал полком,
И ему тут очень интересно.

Любой ничтожный огород
Похож на роту или взвод.
Солдаты ли,
Салат ли,
Томаты ли,
Шпинат ли
Всего лишь матерьял
Для супа и атаки,
И это знает всякий
Бывалый генерал.

(В сторону огорода)

Садово-огородные ребята,
Послушайте бывалого солдата!

(Снова к публике)

Здесь в огороде все — солдаты..
Ревень, равняйся! Недалек
Путь от граната до гранаты.
Томаты — чем не автоматы?
И лук-порей молодцеватый
Свой острый обнажил клинок.
Лежишь себе в траве зеленой,
Глядишь — дивизия осин...
Колонной выстроились клены,
На левом фланге пять рябин...
Стрелковый корпус рослых елей,
Ни разу не бывавших в деле...

И лес, и сад считались до сих пор
Местами для прогулок сброда,
Нет, господа, все это вздор!
Мобилизована природа.

Ну, как, я здорово все это разобрал?

Х о р
(*иронически*)

Хорошо, хорошо,
Хорошо, господин генерал!

Г е н е р а л
(*с удовлетворением*)

Вдали от ратных дел, гуляя по аллеям,
Мы много лет уже свои мечты лелеем
И верим в наше торжество.

Послушайте ребята,
Великого солдата,
Дождавшегося часа своего!

На земле, в небесах, на воде
Мы своих выручаем в беде.
Мы с врагами не слишком нежны,
Но хозяевам очень нужны.

(*Гордо*)

Могли бы в первой мировой
Вы воевать без нас?

Х о р

Нет, никогда, господин генерал!

Г е н е р а л

Могли бы в первой мировой
~~Вы победить без нас?~~

Х о р

Никак нет, господин генерал!

Г е н е р а л

Могли бы разве во второй
Вы воевать без нас?

Х о р

Никак нет, господин генерал!

Г е н е р а л

Могли бы разве во второй
Вы победить без нас?

Х о р

Никак нет, господин генерал!

Г е н е р а л

То-то же. Ура!
Вот почему нам вернуться пора.
Кто мне посмел ответить смехом,
Пушай проглотит свой язык.
Все решается успехом,
А к успеху я привык.

Почти всегда мы держим слово.
Не так ли, господа?
Теперь мы клятву дали снова
И сдержим, как всегда.
Потомственные победители, —
Придем, увидим, победим.
А что над нами за правители, —
Герои, дураки, грабители, —
Мы, право, безразличны к ним.
То-то же. Ура!
Вот почему нам вернуться пора.

Был Гитлер — и название было «вермахт».
Стал доктор Лер — название стало «лермахт».
Лер ли, вер ли, лер ли, вер —
Был бы только револьвер.
Мы не придаем значения названию, —
Лишь бы снова полететь на Великобританию!

(Пугается, трясет головой, говорит вслух сам себе: «Да ведь это бред сивой кобылы! Как мне такое в голову пришло? Назад — шагом марш!» — Вынимает из кармана монокль, вставляет его в глаз, обретая таким образом необходимое душевное равновесие, и поет)

Главное, чтоб был порядок снова,
Чтоб Германия была готова
Встать при звуках воинского зова,
И дерясь как прежде, безголово,
Победила демократов снова.

Вниманье! Слушайте, ребята,
Приказ неустрашимого солдата!
Вер ли, лер ли — это пустяки!

Марш вперед, Германия, в штыки!
На прорыв, германские полки!
Час мщения настал! Аврал!

Х о р

Без нас, без нас,
Без нас, господин генерал!

Г е н е р а л

(в ярости, уперев обе руки в бока)

Кто это так громко орал?
Какой дармоед и нахал?

«Вы что, хотите вечно жить на свете», —
Так спрашивал солдат великий Фридрих,
Так повторял за королем Зепп Дитрих.
Молчать! Мы не нуждаемся в ответе!
Вас оскорбляют. До каких же пор
Терпеть мы будем оскорбленья эти?
Германия! Час мщения настал!

Х о р

Послушайте, ребята,
Как отошьем мы грозного солдата,
Который так старательно орал:
Без вас, без вас,
Без вас, господин генерал!

(У генерала падает монокль)

М И Р У — М И Р!

Пасите стада и сейте пшеницу!
Солнце нам будет светить и впредь.
Стройте дома! Украшайте столицы!
Жизнь на планете преобразится,
Стоит только вам захотеть.

Возьмитесь за руки, миллионы!
Вашею волей планета сильна!
У вас единственный враг исконный,
Имя ему — война.

Общим усилием мира добиться —
Наша задача сегодня и впредь.
Пасите стада и сейте пшеницу!
Стройте дома! Украшайте столицы!
Жизнь на планете преобразится,
Стоит только вам захотеть.

СОДЕРЖАНИЕ

Эрих Кестнер. <i>Г. Камницер</i>	5
Маленькая свобода. <i>Перевод К. Богатырева</i> . .	17

Сердце на талии (1927)

Колыбельная. <i>Перевод К. Богатырева</i>	21
Пониже спину гни! <i>Перевод Е. Эткинда</i>	23
Экскурсия в детство. <i>Перевод К. Богатырева</i> . .	25
Ты знаешь край?.. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	27
Человек добр. <i>Перевод К. Богатырева</i>	29
Время мчится в автомобиле. <i>Перевод К. Богатырева</i> <i>рева</i>	31
Gardin du Luxembourg. <i>Перевод К. Богатырева</i> .	32
Рождественская песенка после химчистки. <i>Пе-</i> <i>ревод Е. Эткинда</i>	34
Заповеди для бедняка. <i>Перевод Е. Эткинда</i> . . .	36
Элегия. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	38
Голоса из братской могилы. <i>Перевод Е. Эткинда.</i>	40

Звон в зеркале (1928)

Осень по всему фронту. <i>Перевод К. Богатырева.</i>	45
Тень отца Гамлета. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	47
Воскресенье в маленьком городе. <i>Перевод К. Бо-</i> <i>гатырева</i>	49
Загородная прогулка в автомобиле. <i>Перевод</i> <i>К. Богатырева</i>	51

Мальчик, торгующий спичками. Перевод Е. Эткинда	53
Великие времена. Перевод К. Богатырева	55
Лессинг. Перевод К. Богатырева	56
Аванс весне. Перевод К. Богатырева	57
Сырой ноябрь. Перевод К. Богатырева	58
Гимн банкиру. Перевод Е. Эткинда	60

Мужчина отвечает на вопросы (1930)

Эрих Шмидт. Перевод Е. Эткинда	65
Другая возможность. Перевод К. Богатырева	67
Первое отчаяние. Перевод Е. Эткинда	69
Семейные стансы. Перевод К. Богатырева	71
Хорошая погода. Перевод К. Богатырева	73
Краткая автобиография. Перевод К. Богатырева.	75
Размышления при попадании под автобус. Перевод Е. Эткинда	77
Школьники в мундирах. Перевод Е. Эткинда	79
Гимн скату. Перевод Е. Эткинда	81
Сальдо мортале. Перевод Е. Эткинда	83
Золотое время юности. Перевод К. Богатырева.	85
Где же позитивное начало, господин Кестнер? Перевод К. Богатырева	87

Песнь между стульями (1932)

Письмо моему сыну. Перевод Е. Эткинда	91
Синтетический человек. Перевод Е. Эткинда	93
Излечим ли голод? Перевод Е. Эткинда	95
Игрушки великанов. Перевод Е. Эткинда	97
Баллада о подражании. Перевод Е. Эткинда	99
Железнодорожная метафора. Перевод Е. Эткинда.	101
Нечаянный итог. Перевод К. Богатырева	103

Верден, много лет спустя. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	105
Сердце в зеркале. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	107
Достаточно кубического километра. <i>Перевод</i> <i>К. Богатырева</i>	109
Неоконченный спор. <i>Перевод К. Богатырева</i> <i>и Е. Эткинда</i>	110

Маленькая свобода (1945—1952)

Слово предоставляется молодежи. <i>Перевод</i> <i>К. Богатырева</i>	117
Май. <i>Перевод К. Богатырева</i>	119
Песня об игрушках. <i>Перевод К. Богатырева</i>	121
Песенка-марш. <i>Перевод К. Богатырева</i>	124
Маленькое соло. <i>Перевод К. Богатырева</i>	126
Генерал. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	128
Миру — мир! <i>Перевод К. Богатырева</i>	135

Эрих Кестнер

МАЛЕНЬКАЯ СВОБОДА

С т и х и

Редактор
И. Н. Каринцева

Художник
М. В. Борисова-Мусатова

Художественный редактор
В. Я. Быкова

Технический редактор
Ф. Х. Джатиева

Корректор
Н. М. Оболдуева

Сдано в производство 4/VII 1962 г.

Подписано к печати 29/VIII 1962 г.

Бумага $70 \times 90^{1/32} = 2,2$ бум. л.

5,1 печ. л. Уч.-изд. л. 3,3

Изд. № 12/1253 Цена 18 к. Зак. 1268

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва, 1-й Рижский пер., 2

18 коп.

